

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Насилие и священное

« Цав »

Отчего люди стали совершать жертвоприношения? Собственно, после разрушения Второго храма — без малого 2 тыс. лет тому назад — они перестали быть элементом жизни по законам иудаизма. Но отчего, если жертвоприношения — средство достижения некоей цели, Б-г выбрал именно *эту* цель?

Вопрос один из самых глубоких в иудаизме, и ответов на него множество. Я хочу рассмотреть лишь один: первым его дал еврейский мыслитель XV века рабби Йосеф Альбо (Испания, 1380–1444) в своем труде «Сефер а-икарим» («Книга основ», 1425)¹.

Теория Альбо берет за отправную точку не жертвоприношения, а два других заковыристых вопроса. Первый: почему после Потопа Б-г дозволил людям есть мясо? (Берешит, 9:3–5). Ведь первоначально ни люди, ни животные не были плотоядными (Берешит, 1:29–30). Что побудило Б-га, так сказать, изменить Свою позицию? Второй вопрос: чем был плох первый акт жертвоприношения, когда Каин поднес Г-споду «плоды земли» (Берешит, 4:3–5)? То, что Б-г отверг это подношение, напрямую привело к первому в истории убийству — к тому, что Каин убил Авеля. Какое судьбоносное значение имела разница между подходами Каина и Авеля к тому, как подобает подносить дары Б-гу?

Вот вам теория Альбо. Убивать животных с целью их съесть — это безоговорочно дурно. Тем самым ради удовлетворения своих потребностей мы лишаем жизни существо, способное чувствовать боль. Каин знал это. Он полагал, что человек и животные состоят в тесном родстве. Вот почему Каин принес в жертву не животное, а растения (Альбо видит ошибку Каина в том, что он принес овощи, а не фрукты — низшую, а не высшую разновидность вегетарианских продуктов сельского хозяйства).

Напротив, Авель полагал, что человек качественно отличается от животных. Г-сподь же сказал первым людям: «Владычествуйте над рыбами морскими, над птицами небесными и над всеми зверями, снующими по земле». Каин, увидев, что Б-г принял жертву Авеля и отверг его собственную, немедленно принялся рассуждать следующим образом. Если Б-г (запрещающий нам

¹ Rabbi Joseph Albo, Sefer Halkkarim, III:15.

убивать животных с целью их съесть) позволяет и даже предпочитает убийство животного в целях жертвоприношения и если (как полагал Каин) между людьми и животными нет принципиальной разницы, то я должен принести в жертву Б-гу наивысшее живое существо, а именно моего брата Авеля. *Каин убил Авеля, чтобы тем самым совершить человеческое жертвоприношение.*

Поэтому после Потопа Б-г разрешил есть мясо. В допотопные времена мир «наполнился насилием»². Возможно, насилие — неотъемлемая часть человеческой природы. Чтобы человечество сохранилось, Б-гу пришлось снизить Свои требования к роду человеческому. *Пусть людям будет дозволено убивать животных, сказал Он, вместо того, чтобы убивать людей: ибо люди — единственная форма жизни, не только сотворенная Б-гом, но и созданная по Его образу.* Именно этим объясняется — а иначе она была бы почти непостижима — последовательность из нескольких стихов, которую мы читаем после того, как Ноах и его семья сходят на сушу:

«Ноах воздвиг жертвенник Г-споду, взял от каждого [вида] чистых животных и от каждого [вида] чистых птиц и принес жертвы всесожжения на жертвеннике. Г-сподь ощутил запах [жертв, пробуждающий] благоволение, и сказал Себе Г-сподь: «Не буду более проклинать землю из-за человека, хотя с детских лет каждое побуждение его сердца — зло...»³»

Б-г благословил Ноаха и его сыновей, сказав им:

«Все, что живое и движется, будет вам в пищу. Точно так же, как Я отдал вам зеленые растения, теперь Я отдаю вам все...»⁴ Если кто-то прольет человеческую кровь, то его [собственная] кровь будет пролита [другим] человеком, ибо человек создан как образ Б-жий» (Берешит, 8:29–9:6).

На взгляд Альбо, логика этого пассажа очевидна. Ноах приносит в жертву животное в благодарность за то, что выжил после Потопа. Б-г видит, что людям необходим такой способ выражения их чувств. Люди генетически предрасположены к насилию («с детских лет каждое побуждение его сердца — зло»). Следовательно, чтобы общество уцелело, людям нужна возможность направлять насилие против животных, не относящихся к категории людей, — будь то убийство с целью употребления в пищу или с целью священного жертвоприношения. В плане нравственности ключевое различие следует проводить между человеком и остальными живыми существами. Разрешение убивать животных сопровождается абсолютным запретом на убийство людей («ибо человек создан как образ Б-жий»).

Это не значит, что Б-г одобряет убийство животных в целях жертвоприношения или в целях употребления в пищу, но запретить людям это делать было бы утопической попыткой, поскольку они генетически предрасположены к насилию. Этот запрет — не для дня сегодняшнего, а для конца времен. Пока он не настал, решение, представляющее собой наименьшее из зол, — лучше уж пусть люди убивают животных, чем собственных братьев. Стало быть, жертвоприношения животных — уступка человеческой природе⁵. *Жертвоприношения — замена насилия, направленного против человечества.*

Из современных мыслителей больше всего сделал для возрождения этого понимания вопроса (однако, не сославшись ни на Альбо, ни на еврейскую традицию) Рене Жирар в таких книгах, как «Насилие и священное», «Козел отпущения» и «Вещи, сокрытые от создания мира». По его словам, общий знаменатель жертвоприношений — «внутреннее насилие: жертвоприношение пытается устранить раздоры, соперничество, зависть, ссоры между братьями,

² Так в английском переводе, который цитирует автор. В русском переводе Д. Сафронова: «разбоем наполнилась земля». — *Примеч. перев.*

³ Так в английском переводе, который цитирует автор. В русском переводе Д. Сафронова: «Не буду более проклинать землю из-за человека, ведь с юности побуждения человеческого сердца — зло...» — *Примеч. перев.*

⁴ Так в английском переводе, который цитирует автор. В русском переводе Д. Сафронова: «Все живые существа будут вам в пищу. Отдаю вам все [это], как и растительную зелень». — *Примеч. перев.*

⁵ О том, почему Б-г не принимает решения изменить человеческую природу, см.: Моше бен Маймон. Путеводитель растерянных. Кн. III, глава 32.

восстанавливает в коллективе гармонию, усиливает социальное единство. Все прочее только следствие»⁶.

Наихудшая форма насилия в сообществе и во взаимоотношениях между разными сообществами — *месть*, «бесконечный, нескончаемый процесс». Гилель (на которого Жирар тоже не ссылается) сказал, увидев плывущий по воде человеческий череп: «За то, что ты утопил, тебя утопили, а в конце утопившие тебя потонут» (Авот, 2:7)⁷.

Этот цикл действий в отместку и мщения не может закончиться естественным путем. Члены семьи Монтеки как убивали, так и убивают членов семьи Капулетти и сами гибнут от их рук. То же самое происходит с кланами Таталья и Корлеоне, как и с другими враждующими между собой группами людей хоть в художественных произведениях, хоть в истории. Порочный круг этих пагубных деяний опустошил целые сообщества. На взгляд Жирара, именно для решения этой проблемы и был разработан религиозный обряд. Первичный религиозный акт, пишет Жирар, — это жертвоприношение, а первичная жертва — козел отпущения. Если племя А и племя Б, воюющие между собой, могут принести в жертву члена племени В, тогда обоим племенам удастся утолить жажду кровопролития, не навлекая на себя месть, особенно если племя В не в силах нанести по ним ответный удар. Жертвоприношения перенаправляют разрушительную энергию обоюдных насильственных действий в иное русло.

Если насилие укоренено в человеческой природе, почему же, в таком случае, жертвоприношения свойственны древним, но не современным обществам? Потому что, утверждает Жирар, есть другой, более эффективный способ положить конец насилию:

«Существует порочный круг мести, и мы даже не подозреваем, до какой степени он тяготеет над первобытными обществами. Для нас этого круга нет. Где причина такого преимущества? На этот вопрос можно дать определенный ответ на уровне институтов. Угрозу мести устраняет судебная система. Она не подавляет месть: она четко ограничивает ее единственным наказанием, исполнение которого возлагается на специально предназначенную для этого верховную власть. Решения судебных властей всегда выносятся в качестве *последнего слова мести*»⁸.

Терминология, которую здесь употребил Жирар, для нас неприемлема. Правосудие — не то же самое, что месть. Воздаяние — не то же самое, что месть. Мечь по своей природе — отношения «я-ты» или «мы-они». Она имеет личный характер. Воздаяние безлично. Это уже не «Монтеки против Капулетти»: обе семьи предстают перед лицом закона и выслушивают его беспристрастный вердикт. Но по существу мысль Жирара верна и чрезвычайно важна. Единственное эффективное противоядие от насилия — верховенство закона.

Теория Жирара подтверждает воззрения Альбо. Жертвоприношение (как и употребление мяса в пищу) вошло в иудаизм как замена насилию. Теория эта также помогает понять глубокую мудрость пророков: *жертвоприношения — не самоцель, а часть изложенной в Торе программы построения мира, который вырвется из порочного круга мести, причем никакими иными средствами этой мести нельзя положить конец. Другая часть этой программы и самое горячее желание Б-га — мир под властью правосудия*. В этом, как мы помним, состоял Его первый наказ Аврааму: «заповедать своим сынам и потомкам следовать путями Г-спода, творить добро и правосудие» (Берешит, 18:19).

Значит ли это, что мы оставили за спиной ту стадию истории человечества, на которой жертвоприношения животных имеют смысл? Стало ли правосудие настолько могущественной реальной силой, что у нас отпала необходимость прибегать к религиозным обрядам для перенаправления насилия между людьми в другое русло? К сожалению, нет.

⁶ Рене Жирар. Насилие и священное (перевод Г. Дашевского). — *Примеч. перев.*

⁷ Мишна. Раздел Незикин (Ущерб). М.: Книжники; Лехаим, 2013. Том IV. С. 678. — *Примеч. перев.*

⁸ Рене Жирар. Насилие и священное. — *Примеч. перев.*

Распад СССР, падение Берлинской стены и окончание холодной войны подтолкнули некоторых мыслителей к выводу, что мы достигли «конца истории». Предполагалось, что войн по идеологическим мотивам больше не будет. Вместо этого мир двинется путем рыночной экономики и либеральной демократии⁹. Реальность оказалась иной. Случились волны межэтнических конфликтов и насилия в Боснии, Косове, Чечне и Руанде, а за ними последовали еще более кровавые конфликты в разных странах Ближнего Востока, тропической Африки и некоторых регионах Азии. Майкл Игнатьев в своей книге «Честь воина» (1997) так объяснил причины этих событий: «Основное нравственное препятствие на пути примирения — жажда мести. Вообще-то месть обычно считают низменным и недостойным человека чувством и в свете такого отношения мало кто понимает, какую огромную нравственную власть она имеет над людьми. Но, если взглянуть на нее в контексте нравственности, месть — это желание сохранить верность умершим, почтить их память, продолжив их дело — подхватив знамя, которое они уронили в час гибели. Мечь — то, благодаря чему сохраняется межпоколенческая верность... Этому циклу взаимных обвинений, переходящих по наследству из поколения в поколение, нет логического конца... Но именно потому, что месть, переходящая по наследству из поколения в поколение, — нечто невозможное, общины остаются в плену маниакальной тяги к совершению повторных деяний... Перед мечью примирение совершенно бессильно, если только оно не станет уважать чувства, подпитывающие месть, и не сумеет заместить уважение к мести чем-то другим — а именно обрядами, в ходе которых общины, прежде воевавшие между собой, научатся совместно оплакивать своих умерших»¹⁰.

Законы жертвоприношений созвучны вовсе не только давно минувшей, забытой эпохе, — они преподают нам три урока, которые сегодня важны ничуть не меньше, чем в прошлом:

во-первых, насилие доселе остается частью человеческой природы, а в сочетании с этикой мести становится опаснее, чем когда-либо;

во-вторых, нам следует не отрицать существование насилия, а изыскать способы его перенаправления в другое русло — иначе оно потребует новых человеческих жертвоприношений;

в-третьих, единственная альтернатива жертвоприношениям, кто бы ни выступал в качестве жертвы — животные или люди, — та, которую первыми предложили несколько тысячелетий тому назад пророки древнего Израиля. Чуть ли не лучше всех это сформулировал Амос:

«Если и вознесете Мне всесожжения и хлебные приношения свои
— Я не пожелаю (их)...

Пусть, как вода, течет правосудие,

справедливость — как поток неиссякаемый!»¹¹ (Амос, 5:23–24).

www.RabbiSacks.org   @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

⁹ Francis Fukuyama, *The End of History and the Last Man*, New York Free Press, 1992.

¹⁰ Michael Ignatieff, *The Warrior's Honour: Ethnic War and the Modern Conscience*, P. 188–190.

¹¹ Еврейская Библия, Поздние пророки. М.: Книжники, 2013. С. 587. — *Примеч. перев.*